

Из более чем 4 тысяч выходцев из Центральной Азии, уехавших на войну в Сирию, на Кыргызстан приходится по меньшей мере 850 человек. От соседей эту страну отличает более мягкий подход к борьбе с экстремизмом, и попытка присоединиться к воюющим группировкам может обернуться там лишь условным сроком. Нередко такие люди продолжают жить в том же селе, где их завербовали. Корреспондент [Би-би-си](#) встретила с теми, кто вернулся из Сирии в село Кашгар-Кыштак на юге Кыргызстана.

Кашгар-Кыштак расположен всего в 13 километрах от Оша – южной столицы страны. Мы въезжаем туда в сопровождении машины спецслужб – наша встреча с вернувшимися из Сирии мужчинами организована Государственным комитетом национальной безопасности Кыргызстана (ГКНБ).

На первый взгляд, это обычное для этих мест село с многочисленными одноэтажными частными домами и ярко окрашенными воротами. Почти в каждом дворе стоит топчан, на котором летом пьют чай, дома обвивает виноград. В чайханах возле центрального восточного базара мужчины за едой обмениваются новостями, женщины с детьми обходят базар в поисках свежих фруктов и лучших тандырных лепешек.

Все прерывается азаном – зовом на молитву. Религия занимает особое место в жизни Кашгар-Кыштак: пятничный намаз посещает большинство жителей.

Нас встречает местный участковый и проводит к зданию районного УВД. Туда вызвали наших героев – мужчин, вернувшихся с сирийской войны. До интервью сотрудники службы безопасности говорят с ними за закрытыми дверями. Мы беседуем с ними на улице возле оставшегося с советских времен дома культуры. Все они не хотят называть своих имен и просят не снимать их дома и не говорить с родственниками. Пока мы берем интервью, сотрудники ГКНБ стоят поблизости.

29-летний Махмуд (имя изменено) переехал с матерью и сестрами в Кашгар-Кыштак из Оша подростком после смерти отца. “Я был обычным городским парнем, ходил на дискотеки, общался с девушками, – рассказывает он. – После переезда сюда быстро понял, что ходить в мечеть модно, начал ходить с одноклассниками на пятничный намаз”.

Одноклассники же познакомили его с Сирожиддином Мухтаровым, также известным как Абу-Салах. Этнический уйгур, Мухтаров родился в Кашгар-Кыштаке в 1990 году, учился в Исламском университете Аль Фатх аль-Исламия в Сирии, а по возвращении, будучи помощником имама, агитировал людей присоединиться к “священному джихаду” в Сирии. Позже его уволили с должности помощника за радикальные взгляды, однако он продолжал свою агитационную деятельность подпольно. Сейчас он находится в международном розыске, его считают лидером запрещенной в России и Кыргызстане организации “Катиба Таухид валь-Джихад”, ответственной, среди прочего, за теракт в петербургском метро и взрыв в китайском посольстве в Бишкеке в 2017 году.

Группировка рекрутировала сторонников в основном в Узбекистане, Кыргызстане и населенной уйгурами китайской провинции Синьцзян. В Кыргызстане одним из очагов вербовки стало родное село Мухтарова.

Округ Кашгар-Кыштак состоит из трех сел, где живет больше 40 тысяч человек, – по киргизским меркам это маленький город. Это место с IX века было торговой точкой на карте Великого шелкового пути, отсюда смешанное население и культурные особенности.

Местные жители зарабатывают на жизнь торговлей и земледелием, это обычные занятия для киргизского юга – Ферганской долины, охватывающей также территории Узбекистана и Таджикистана. До сих пор между соседствующими странами существуют немаркированные территории, периодически порождающие споры и конфликты. Именно здесь произошли кровавые столкновения между киргизами и узбеками в 1990 и 2010 годах, которые привели к смерти сотен человек.

80% населения Кашгар-Кыштака – этнические уйгуры. Как отмечают эксперты, это один из важнейших факторов, сделавших этот регион и представителей этнических меньшинств более уязвимыми к вербовке. К примеру, киргизскоязычная школа открылась в Кашгар-Кыштаке только в 2014 году, до этого дети учились на русском и узбекском языках.

“Неужели мать важнее Всевышнего?”

Сирожиддин Мухтаров организовывал в Кашгар-Кыштаке подпольные встречи, на которых рассказывал о начинающейся “священной войне против неверных” в Сирии. По словам Махмуда, он плохо представлял себе, как выглядит эта война, но хотел помочь.

В августе 2013 года Махмуд отдал свой паспорт людям Мухтарова для подготовки поездки в Сирию. Уже через три дня ему позвонили и велели собрать минимум вещей. Вместе с ним ехали пять человек, двоих из которых Махмуд знал лично.

“В последний момент я засомневался, попробовал отказаться, аргументируя, что не могу оставить пожилую мать одну. Но меня приперли к стене, спрашивали, неужели твоя мать важнее Всевышнего? Я не знал, как на это ответить, и у меня не осталось выбора”, – рассказывает Махмуд.

Группа вылетела из Оша в Стамбул, где их встретил проводник с билетами на автобус, сопроводил их до пограничного поста и помог перейти через турецко-сирийскую границу.

“Нас встретил Абу-Салах с еще несколькими людьми и проводил в лагерь в 10-15 километрах от границы, где помимо военных жили и женщины, и дети, и поначалу жизнь в лагере казалась довольно размеренной”, – рассказывает Махмуд.

“Первая неделя была тихой, нас обучали, как пользоваться оружием, обучали религии, мы молились пятикратно. Нам даже выдали по сто долларов на покупку одежды и продуктов. А потом я услышал первый взрыв бомбы, и мне стало по-настоящему страшно. Я понял, что совершил ошибку”, – говорит Махмуд.

Когда через две недели он сказал о своих сомнениях и желании вернуться обратно, один из обучающих его бойцов хотел убить его на месте, но напарник остановил его, опасаясь, что известие о его смерти отпугнет других желающих уехать в Сирию. По словам Махмуда, оба бойца были из Центральной Азии и говорили на узбекском языке.

Той же ночью Махмуд с друзьями решил бежать из лагеря. По его словам, пересекать границу было страшно, но перспектива погибнуть в Сирии казалась еще страшнее. Денег ни у кого из бежавших не было, и Махмуду пришлось звонить матери, признаваться во всем и просить помочь купить билет на самолет. Мать отправила ему все семейные накопления, и он смог вернуться в Кыргызстан, на этот раз через Бишкек.

Мягкий подход

Хотя мать посоветовала ему сразу же обратиться в милицию, Махмуд два года скрывал свою поездку в Сирию.

“Исследования показывают, что большинство граждан [в таких случаях] не обратились бы в милицию, так как у них нет кредита доверия правоохранительным органам, – говорит старший научный сотрудник Университета Центральной Азии Асель Мурзакулова. – Таким образом, даже если люди узнавали, что их близкие хотят уехать, они не заявляли об этом”.

Махмуд перестал ходить в мечеть и прекратил общаться с односельчанами, с которыми был на войне, однако два года спустя его все же арестовали. Из-за краткого пребывания в Сирии Махмуд получил лишь пять лет условно и сейчас находится под наблюдением правоохранительных органов.

Если бы он жил в любой из соседних центральноазиатских стран, наказание, возможно, было бы значительно жестче. В Казахстане с 2017 года людям, участвовавшим в военных действиях в Сирии, помимо тюремного срока может грозить и потеря гражданства. В Узбекистане есть статья за наемничество, но в большинстве случаев, по оценкам правозащитников, людей судят за терроризм. В Таджикистане, как правило, речь также идет о длительных сроках (впрочем, власти страны могут помиловать осужденного, если он вернулся добровольно и раскаялся). При этом в двух последних странах, как отмечают исследователи, власти используют угрозу терроризма для борьбы с внутренней оппозицией.

В Кыргызстане, как заявляют в ГКНБ, к вернувшимся из Сирии применяют две статьи – об участии в военных действиях за рубежом (5-8 лет лишения свободы) и наемничестве (получении за службу денег и/или вербовке, 8-15 лет). Однако при вынесении наказания суд может посчитать смягчающим обстоятельством, среди прочего, мотивы поездки, желание сотрудничать со следствием, а также то, участвовал ли подсудимый непосредственно в боевых действиях.

Эксперты, изучающие политику Кыргызстана по борьбе с экстремизмом, отмечают три причины, по которым киргизский подход к проблеме мягче, чем у соседей: ограниченные ресурсы на борьбу с радикализмом и возвращение уехавших граждан на родину, относительно демократический строй правления и наличие действующего законодательства, защищающего религиозные свободы граждан.

К примеру, в Кыргызстане до сих пор разрешена деятельность религиозного движения “Таблиги Джамаат” (“Джамаат Таблиг”), запрещенного в Китае, России, Казахстане, Узбекистане и Таджикистане как экстремистское. По рекомендации Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) киргизские власти уже несколько лет обсуждают запрет движения, но конкретных мер пока не принималось.

“Если Казахстан пытается унифицировать религиозные практики и легализовать одно исламское течение, Таджикистан борется с внешними атрибутами религии (запрет на ношение хиджабов и длинной бороды), то в Кыргызстане существует религиозный плюрализм и, например, запрета на ношение платков в учебных заведениях нет”, – отмечает Асель Мурзакулова.

Трудовые мигранты

“Основная причина вербовки заключается в отсутствии религиозного просвещения среди населения, часто представители экстремистских течений используют необразованность пользователей социальных сетей, – говорит представитель Государственного комитета национальной безопасности Рахат Сулейманов. – Также оказывает влияние социально-экономическое положение людей, часто вербовщики апеллируют к возможности заработать, к уязвимым группам населения”.

Одна из таких групп – трудовые мигранты. В Кашгар-Кыштаке почти в каждой семье есть хотя бы один человек, уехавший на заработки в Россию или Казахстан. Только по официальным данным, около 700 тысяч граждан шестимиллионного Кыргызстана находится в трудовой миграции. Уехавшие на заработки фактически кормят оставшихся на родине членов семьи: в сумме их денежные переводы в 2017 году составили около 35% ВВП страны.

Часто из-за проблем с документами или невозможности ассимилироваться трудовые мигранты оказываются в социальной изоляции, становясь уязвимыми к вербовке, особенно в социальных сетях.

25-летний Латиф (имя изменено), тоже уроженец Кашкар-Кыштака, в 19 лет уехал в Москву работать поваром.

“Когда я начал переписываться с вербовщиком онлайн, я чувствовал себя одиноким. Я впервые находился так далеко от дома. Наверное, я хотел найти какой-то смысл в жизни. Мы так и не встретились наяву”, – рассказывает Латиф. По его словам, он всегда знал, что “воевать не мастер”, поэтому согласился поехать в Сирию, чтобы там готовить еду для бойцов и их семей.

В Сирии он, как и Махмуд, сразу понял, что эта война не для него, и воспользовался первой же возможностью сбежать через границу. Из Турции его депортировали в Кыргызстан. Как и Махмуд, он получил условный срок.

“Сейчас я понимаю, что мог бы остаться в Москве, заработать себе на дом. В принципе у меня были перспективы, которые я упустил. Но думаю, при желании и здесь можно встать на ноги”, – говорит Латиф. Сейчас ему, как и другим вернувшимся, запрещено покидать страну.

Жизнь после

Соседние страны, такие как Казахстан и Россия, организуют программы по возвращению уехавших в Сирию и Ирак на родину. Эксперты отмечают, что у Кыргызстана на это зачастую не хватает ресурсов, однако недавно в кыргызстанском МИДе в ответ на запрос Радио Азаттык сообщили, что пытаются установить число и личности находящихся в Сирии кыргызстанцев, чтобы вернуть их в страну.

“Уехавшие в Сирию граждане воевали и воюют в абсолютно разных группировках, часто конфликтующих между собой, – говорит доктор политических наук, исследователь суннитского ваххабизма в Центральной Азии и на Дальнем Востоке Уран Ботобеков. – Рано или поздно они вернуться в Центральную Азию, и тогда Кыргызстан должен будет справляться с последствиями этого конфликта уже на своей территории. Просто проигнорировать их и оставить на территории Сирии или Ирака нельзя”.

Пока большинство сдвигов по ужесточению законодательства в Кыргызстане остаются на уровне обсуждения. В 2016 году в парламенте предлагали снизить возраст ответственности за экстремизм до 14 лет, однако законопроект так и не был рассмотрен. В одной из колоний недалеко от Бишкека в начале года появился отдельный корпус для осужденных за терроризм и экстремизм, а в других тюрьмах – отдельные камеры. Всего с 2009 года, по данным государственной службы исполнения наказаний, число заключенных по этим статьям выросло в три раза (сейчас по ним сидят 180 человек, еще около 300 состоят на учете).

Большие надежды кыргызстанские власти возлагают на профилактику радикализации. Сотрудники милиции и районных управлений организуют разъяснительные беседы с людьми в мечетях, учебных заведениях и общественных центрах. Нередко к этому привлекают и тех, кто побывал в Сирии.

Один из них – 41-летний Тахир (имя изменено). На момент отъезда в Сирию в 2014 году он был отцом четырех детей. “Когда началась война, я много следил за новостями в интернете. Большинство вирусных видео, которые я видел, заставили меня думать о том, что правительство убивает сирийских детей”, – рассказывает Тахир.

Подготовиться к отъезду ему помог сосед. Так как Тахир проходил начальную довоенную подготовку еще в школе, его отправили сразу на передовую в район Латакии. “Я понял, что это не солдаты воюют против простых граждан, я понял, что это гражданская война, – вспоминает Тахир. – Раскол среди оппозиционных войск меня

сильно разочаровал. Те, за кого я приехал сражаться, боролись друг против друга. Я не хотел участвовать в этом. Я понял, что никого не спасу, и мне пришлось вернуться”.

Image captionВсе герои просили не называть их настоящим имен и не показывать лиц

На родине Тахира приговорили к пяти годам условно. По настоянию милиции во время отбывания условного срока он стал принимать участие в профилактике экстремизма.

Встречи в Кашкар-Кыштаке и близлежащих селах организуют милиция и районная администрация: школьников или верующих собирают в доме культуры, школе или мечети; участковый рассказывает им о законодательстве, а Тахир – о своем опыте.

“Хочется предостеречь молодых ребят от ошибок, которые я совершил. Возможно, услышав мою историю, они поймут, что ехать не стоит”, – говорит он.

При этом и Тахир, и Махмуд говорят, что избегают разговоров о поездке в Сирию с близкими и хотят как можно скорее забыть об этом. Однако местное сообщество не всегда принимает их обратно.

“Я очень жалею о том, что так ошибся, из-за этого мои отношения с близкими сильно испортились. Теперь я знаю, что надо строить жизнь на родине, заботиться о своей

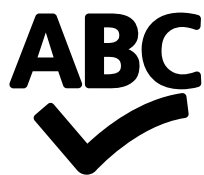

семье. Хочу оставить позади все, что случилось в Сирии, и двинуться вперед”, - говорит Махмуд.

После возвращения из Сирии Махмуд женился, но о своей поездке и последующем суде родным жены он не рассказывает - боится, что они его осудят. После ареста сильно заболела мать, в родном селе Махмуду тяжело найти постоянную работу и обеспечить семью.

“Их соседи и родственники видят, как часто к ним навещают сотрудники служб безопасности и правоохранительных органов, они становятся источником тревоги и опасности, соседи хотят держаться от них подальше, - отмечает Асель Мурзакулова. - Горечь всей ситуации в том, что, вернувшись, эти люди остаются наедине со своими проблемами”.

Источник: [Би-би-си](#).

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.